

Дмитрий Машарьгин

Машарьгин Дмитрий Леонидович родился в 1986 г. в городе Озёрск Челябинской области. Учился в Екатеринбургском государственном театральном институте (2006–2010). Стихи начал писать в тринадцать лет. Первая публикация состоялась в озёрской газете «Камертон» (2002). Лауреат Первого фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова (2006, Кыштым). Финалист премии «Дебют» (2009). Автор книги стихов «Неотправленные письма Гоголя» (Нижний Тагил, 2007). Живет в Челябинске.

Филологическая маркировка стихов Д.М.

Традиции, направления, течения: классицизм, модернизм, акмеизм, постмодернизм.

Основные имена влияния, переключки: Г. Державин, Ф. Тютчев, О. Мандельштам, И. Бродский, М. Айзенберг, Г. Айги.

Основные формальные приемы, используемые автором: одическая просодика, выстраивание ассоциативных рядов, диалог с мировой культурой, ирония.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: вещь, тело, телесность, пространство, время, слово, язык.

Творческая стратегия: квазиклассицизм, личностная реабилитация через творчество.

Коэффициент присутствия: 0,46

АВТОБИОГРАФИЯ

«Биография Меня»

Итак. Это обрывки памяти. Обрывки, впечатлённые чем-то, что выстраивается во мне в некую вертикаль так называемого «творческого становления». Я не хочу говорить о том, что этого не касалось. Например, когда я родился. Я этого не помню. Можно много говорить, что это так или иначе имеет большое значение, но осознанность для меня связана с тем, что я помню. Предметы, больше мысли.

Итак. Первое. Третий класс. Я иду после школы, зимой, кажется, или поздним вечером (тогда почему-то мы часто учились часов до семи вечера с утра). Мама тогда торговала на улице семечками. Помню этот большой мешок. Я очень любил грызть семечки. По-моему, они были нежареными. Так вот, в один из таких вечеров я шёл через «вечный огонь» (так называется одно место у нас в городе Озёрске). Потом по улице, которая поднималась вверх к бассейну. И где-то на подъёме (почему-то это очень сильно врезалось), в таких поздних сумерках, я что-то ощутил, понял. Даже помню, что. Какую-то вообще непохожесть. Даже уникальность. Что точно больше нет такого другого существа. Но ведь и правда. Потом смотрел подолгу в зеркало. Смотрел на свою большую голову, несообразную с телом, и сильно (вернее, очень сильно) хотел, чтобы она стала меньше. Было какое-то неудобство за неё. Вообще было множество неудобств. Какие-то углы. Я хотел их округлить (не на голове и не в голове). Самое смешное, что совсем недавно мне даже указали на них. Поэт Галина сказала, что вот в этой угловатости, которую все пытаются скруглить в себе (в речи, в мыслях, во всём), оказывается «колоссальная мощь». То есть эта угловатость – следствие, или форма, или момент проявления – оболочка. Ну да, можно также сказать, что потом произошло культивирование этой самой угловатости. Столкновение неудобства со сглаженностью. Те же самые стихи мне нравятся не из-за качества, а из-за уникальности. Уникальность просто предполагает человеческое истинное неудобство, не вмещаемое в преимущественно искусственный уклад взаимодействия между людьми. Культивирование неудобства даёт право на своё существование через общее. Общим же является искусство.

Второе. Помню, как засыпал с бабушкой. И очень захотел запомнить этот момент. И помню до сих пор. Водил руками по темноте.

Третье. Это даже не момент памяти, но то, что важно. Поступил в литературный институт (в Екатеринбург), в сентябре. Учёба должна была начаться в декабре (первая сессия). Ездил каждый вторник на литературные обсуждения (обсуждали даже и меня, очень сильно раздолбили). В это время ездил по садикам со спектаклями с сокурсницей. Ходил на паперть к человеку, которого звали Николай, он подметал паперть. У Воскресенской церкви. В итоге, когда приехал на сессию в декабре, вдруг решил не идти. Причины не было. Причина была. Думал про бога, вычистил ангелов их же несуществованием из головы. Остался чрезмерно одинок. В сентябре же

поэт Казарин раздал свою новую книжку «Против стрелки часовой». Показалось мне тогда, что пишу много лучше. После неезда на сессию много писал стихов. Как мне казалось, очень много. Всё ручкой. Потом ходил в библиотеку в Озёрске и печатал их – каждый день. Стихи, не знаю, плохие были. Но дело не в этом. Я полностью исчерпывал недеяние. Было очень много НЕ. Отвержение ради главного. Главное было иррациональное неделание, собственно, вообще никуда не ведущее. Потом каким-то образом, гуляя по лесу, читал книгу Казарина. Она была, если визуально представить, интеллектуально-дымчатым газом в пустоте. Наверное, написал что-то в соприкосновении с этим. Затем был фестиваль имени Толокнова. Тогда же познакомился с Петрушкиным и всеми-всеми-всеми. Хотя, сейчас я думаю, что если я бы не написал те стихи в соприкосновении с Казариным? Никто, скорее всего, ничего бы и не заметил. Потому что качество стихов без соприкосновения для меня было одинаковым с качеством стихов с соприкосновением. Короче говоря, существует некий пласт, на котором стоит и Казарин и все-все-все. Без него все думают, что стихи – уже не стихи. Все-все-все – это, наверное, и я. Потом было много чего, в том числе и конец института. И уже приезд с новыми стихами в Екатеринбург, суждение о которых было ровно диаметрально противоположным (ну, когда раздолбили). Я хочу здесь закончить. Потому что дальше все будет лишним.

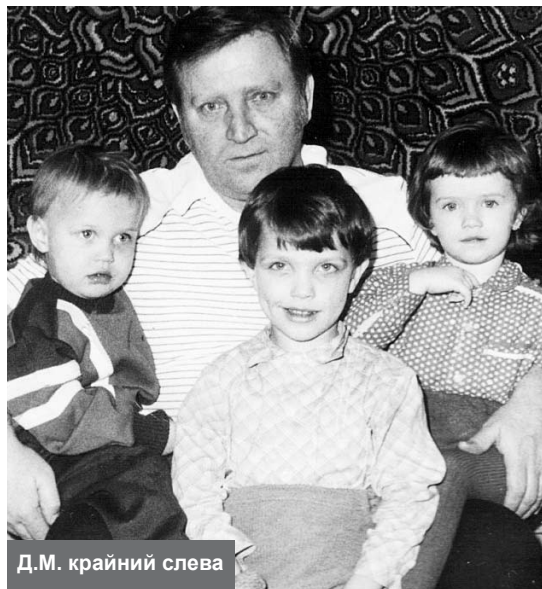
ЯНИС ГРАНТС О Д.М.

Самое лучшее, что сейчас происходит с Машарыгиным, – это, конечно, Ульяна. Почему? Да вот почему. Я позвонил Диме на сотовый часов в 11 утра. Не помню повода, но, кажется, мы должны были обсудить приезд Саши Петрушкина. Трубку взяла Ульяна. «Я не буду его будить», – сказала она. «Как так?» – «Он всю ночь писал стихотворение. Он сочинил, может быть, лучшие свои строчки! Он заслужил самый сладкий и самый длинный сон!». Конец связи.

Вот тебе на. Все, с кем я живу, жил, собираюсь жить в будущем, все мои родители, родственники, товарищи и едва знакомые коллеги считают мою писанину побочным продуктом жизнедеятельности. Не всякий это говорит, но все так думают. Тут уж будьте уверены. Никто не советовал мне поспать от души, поберечь силы, чтобы потом как никогда сложить свои лучшие слова в их лучшем порядке. Тут Машарыгину явно повезло.

Вот ведь: садишься писать о ком-то, а получается – о себе.

Дима живёт в городе Че с 9 октября 2009 года. В этот день я давал сольный поэтический вечер «Цветы и другие животные». Вот после моих

Д.М. крайний слева

цветов-животных роман Димы-Ульяны и закрутился. (Димины мама тоже каким-то чудом попала на этот концерт. А после – читала мне свои стихи. Наивные. О сыне. До того, как она узнала, что Дима пишет, она никаких таких собственных рифм не затевала. Редкий случай: родители идут по стопам своих детей).

Весна 2006 года. Кыштым. Фестиваль нестоличной поэзии имени Виктора Толокнова. Вот там мы с Димой и познакомились. Ему 20, мне почти 40, но мы оба ходили в новичках. Я узнал тогда: живёт в Озёрске, работает сторожем, заочно учится (или только собирается) на литературного работника в Екатеринбурге, посещает поэтический семинар Александра Петрушкина. Дима в те времена был застенчив и немногословен. Мы как-то экстерном прошли путь от чужих до закадычных. Машарыгин иногда заезжал в Че. Заходил. Бывало, задерживался у меня в гостях на несколько дней. Как-то Дима перед возвращением в Озёрск обошёл мою квартиру по периметру. Взял Гумилёва, Цветаеву, Решетова, Могутину. Уложил в рваный пакет и отчалил. Следующий год прошёл в телефонных схватках. Сначала я напоминал. Потом уговаривал. Дальше – взывал к совести. В конце концов, я перешёл к угрозам и сорвался на крик. Это не действовало. Четыре книги четырёх поэтов расщепились в Озёрске, как молекулы урана в атомном реакторе. Время от времени вспоминая о своих книгах, я испытывал прилив ненависти к Машарыгину. Как я мог дать ему свои книги? Это же очевидная глупость. Ведь за ним и раньше наблюдалось наплевательское отношение к окружающим. Ну, типа – он избранный, а остальные – при нём. Например, он пепел стряхивает небрежно, всегда мимо... Или: последние деньги может у тебя кланчить без конца. Ему же

нужнее! (Ну и примеры! Чтобы обвинять человека в надменности, нужны аргументы посолиднее). Ах да: я писал о книжном конфликте. Так вот: Дима его попросту не заметил. В перерывах между моими гневными звонками раздавались его дружеские звонки. Он звал меня в японский ресторан, в пиццерию, в сауну, в гости или просто предлагал выпить. (У него время от времени появлялись какие-то деньги). Только через год я понял. Философия Машарыгина формулируется приблизительно так: всё принадлежит всем. (Только не надо приплетать сюда любимых женщин и жён). Ты отдаёшь Диме книги без надежды на возвращение, но и он поделится с тобой первым же подвернувшимся рублём. Или: устроит на ночлег. Сегодня в его челябинской квартире бывают и друзья, и какие-то приبلудные типы. Ночь – холодное время. И Диме ничего не стоит поделиться с человеком двумя квадратами тепла. Когда-то мне хотелось расшифровать его стихи. Я просто сел и стал записывать всё, что приходило в голову. (В голову приходили Уоллес Стивенс, Альдо Нове, Шамшад Абдуллаев и другие). Потом подшлифовал, заглянул в первоисточники и отправил Александру Петрушкину. Всё это чистой воды дилетантство, моей статье не хватает, ээээ, художественной артикуляции. Но ведь эти рассуждения и поныне – чуть ли не единственная попытка что-то сказать о машарыгинском творчестве. Кое-что со временем изменилось. Я говорю о манере чтения стихов на публику. Глаза Димы уже не являются такими индикаторами. Остался только голос. К концу первой строфы автор сбивается на крик. И кричит во всё горло. Раньше Машарыгина было интересно, но трудно читать, а теперь ещё и невозможно слушать.

В телепрограмме «Новости культуры – Южный Урал» мне предложили вести какую-нибудь авторскую рубрику. Недолго раздумывая, я остановился на двадцатилетних поэтах (а название сочинилось самое бесхитростное: «Молодые голоса»). Диму я, конечно, хотел заполучить среди первых. Он сомневался, но всё же дал согласие.

Вот несколько реплик Машарыгина из этого сюжета: «Должно быть хотя бы несколько имен, которые тебя вырастили, или на которых ты вырос, или которые помогли тебе сформироваться. Это Бродский Иосиф, Петрушкин Саша, это Геннадий Айги, это Ника Скандиака». А вот вторая цитата. О том, как воспринимают его стихи: «В этом видят все почему-то, ну, не все, а многие, какой-то элемент шаманства или ещё чего-то. Я считаю, что это просто степень глубокого ощущения культуры. Даже не знания, а ощущения её». На первую съёмку Дима не приехал. Хорошо, что я подстраховался – у меня был «запасной» молодой поэт. На вторую съёмку Машарыгин прибыл с получасовым опозданием и в майке-алкоголичке. Это не жалоба. Это предупреждение. Все, кто будет дружить, сотрудничать, работать с Машарыгиным, – не ждите от него пунктуальности, ответственности и вменяемости. Но вот что точно будет: его заинтересованность в вас, его уважение к вам, даже – его забота о вас. Как пренебрежение вами и горячая любовь к вам могут совмещаться в сердце Машарыгина? Помните, я упомянул о диминой философии (всё принадлежит всем)? Ещё один тезис я бы сформулировал так: любовь между людьми обязательна (как порыв души) и не обязательна (как поступок).